

смыслъ болѣе или менѣе, легко составитъ себѣ
 понятіе о томъ, сколько трудовъ и подвиговъ
 своему труду долженъ былъ имѣть Караи-
 зинъ, чтобы переписать и усвоить себѣ весь
 этотъ трудъ. Но разсказъ о дипломатическихъ
 сношеніяхъ онъ велъ параллельно и въ связи
 съ описаніемъ внутреннихъ событий: эти послѣд-
 нія онъ черпалъ изъ трудовъ другихъ русскихъ,
 въ числѣ которыхъ вниманіе юристовъ обра-
 щаетъ на себя судебники Иоанновъ
 съ дополнительными къ нимъ статьями, Со-
 бернныя дѣянія и между ними Стоглавъ,
 книги помѣстного приказа, разметная и сош-
 ного писма, множество грамотъ, чины на
разныя поставленія, присяги, дѣла судебныхъ.
 Итакъ, если мы припомнимъ, что весь этотъ па-
 мятникъ изданъ былъ въ болѣе позднюю эпоху,
 а во время Караизина совершенно не были
 изданы ни собранія государственныхъ грамотъ,
 ни договоровъ; если мы припомнимъ, что Сто-
 главъ былъ изданъ только въ 60 х годахъ XIX
вѣка, то мы поймемъ важное значеніе вы-
 держекъ, приводимыхъ Караизинымъ. На
 этомъ я заканчиваю рѣчь о Караизинѣ. X

Скептическая школа.

Переходимъ теперь къ скептической школѣ, ко-
 торая является реакціей Караизинскому на-
 правленію. Главою этой школы нужно при-
 знать профессора Московскаго универси-
 тета Каченовскаго. Краткая его біографія
 такова: первоначальное воспитаніе онъ полу-

чилъ въ Харьковскомъ Коллегіумѣ, въ которомъ прежде учились дѣти не только изъ духовнаго званія, но и изъ свѣтскаго. Затѣмъ, просуществовавъ некоторое время у попечителя Московскаго ученаго округа Разумовскаго, Каленовскій назначенъ былъ профессоромъ Московскаго университета. Въ это время онъ сталъ издавать журналъ „Вѣстникъ Европы“ отъ 1825-1830 г. Въ этомъ журналѣ и помѣщались его статьи по Русской исторіи; онъ не написалъ ни одного обширнаго сочиненія; вся его научная дѣятельность заключалась въ отдѣльныхъ статьяхъ, помѣщавшихся въ Вѣстникъ Европы.

Важнѣйшія статьи, помѣщавшіяся въ этомъ журналѣ были слѣдующія: 1) „Объ источникахъ русской исторіи“; здѣсь главнымъ образомъ говорится о русской лѣтописи, причемъ авторъ, во противоположность Маттисеву и другимъ исследователямъ, отрицаетъ подлинность Софійской лѣтописи; мало того, Каленовскій не останавливается на отрицаніи Софійской лѣтописи, онъ считаетъ солидными и даже наши договоры съ Греками и главнымъ образомъ основывается на томъ, что едва ли можно допустить такое высокое состояніе общественной жизни, которое вытекаетъ изъ этихъ договоровъ съ Греками; считаетъ онъ также невозможнымъ и такое развитіе литературнаго языка, которое замѣчается въ этихъ договорахъ.

Во всемъ этомъ видно вліяніе Миллера; самъ Каленовскій благосклонно отзывался о критической работѣ Миллера. Онъ идетъ всегда за Миллеромъ, но только гораздо дальше и пользуется еще опредѣлительными источниками лѣтописи.

Уже отъ этой первой статьи Каленовскаго
вѣетъ скептическимъ дуломъ.

2) Другая статья: „Параллельная мѣста
въ русскихъ мѣтахъ“; въ ней Каленовскій по-
шелъ дальше Шлецера въ скептическомъ направ-
леніи и рядомъ съ низшею критикой, которую
повзвонилъ Шлецеръ, онъ считаетъ необходимымъ и
высшую критику, принимая её въ особенно-
сти къ фактамъ; съ этой точки зрѣнія онъ
рассматриваетъ русскую мѣту по ея содер-
жанію и старается сличать, сопоставлять
и соединять различныя параллельныя мѣста
изъ другихъ мѣтисей, выдѣляетъ такіе въ
своемъ родѣ легендарныя сказанія отъ басень,
а басни отъ действительной исторіи. Онъ
признаетъ въ мѣтѣ существованіе значи-
тельнаго количества баснословныхъ сказаній
и пытается объяснить ихъ прямою дан-
ствованіемъ изъ другихъ иностранныхъ хро-
никъ. Такъ наприм. рассказъ о смерти Оле-
га отъ коня онъ ставитъ въ параллель съ
рассказомъ Норвежской исторіи, гдѣ тоже са-
мое говорится объ одномъ богатырѣ. Точно
также считаетъ онъ легендарными подро-
бности о лицѣ Ольги Древляныни, при чемъ
рассказъ о голубяхъ и вероубахъ онъ сравнива-
етъ съ аналогичнымъ рассказомъ у Саксона
Грамматика. Хитрость Изяславовою сар-
жа онъ приводитъ въ связь съ извѣстіемъ
Гераклита о Фразибуѣ, изданнымъ точно
также Милетъ отъ осады Лидійскаго царя.
Въ Вѣстникѣ Европы Каленовскій помѣстилъ
свой разборъ „предисловія къ Исторіи Госу-

дарства Россійскаго"; въ этой статьѣ Каченовскій рекомендуетъ себя космополитомъ въ оти-
гѣ отъ націонализма Караузина; затѣмъ обра-
щается къ защитѣ Фукидида, Тацита и дру-
гихъ древнихъ историковъ и указываетъ
цѣлый рядъ слабыхъ сторонъ у Караузина. Во
всѣхъ этихъ работахъ мы можемъ оти-
титъ вліяніе Миллера, только Каченовскій по-
шелъ дальше его. Вначалѣ XIX вѣка появи-
лся знаменитый трудъ Нибура по Римской исто-
ріи и вліяніе послѣдняго на Каченовскаго сто-
итъ внѣ всякаго сомнѣнія; Каченовскій перене-
сатъ одну статейку о Нибури въ своемъ Въ-
стникѣ Европы: — „для науки нѣтъ ничего при-
мѣннѣе, какъ скептицизмъ не поверхностный
и легкомысленный, но основанный на сравненіи
текстовъ, на критикѣ свидѣтельствъ". Та-
кимъ образомъ, теперь въ послѣдующихъ ста-
яхъ Каченовскаго мы должны искать влія-
нія скептическаго направленія и разруши-
тельной критики Нибура. Такое вліяніе
мы можемъ оти-титъ въ послѣднихъ его
статьяхъ. Статьи Каченовскаго, въ кото-
рыхъ отраженъ Нибуровскій скептицизмъ,
будутъ трехъ рода: статьи истори-
ческія, юридическія и экономическія. Къ
чисто историческимъ статьямъ принадле-
жатъ частью его собственные работы, а
частью статьи его учениковъ, составленные
по его лекціямъ; такъ — 1) о скудости и
сомнительности происшествій перваго вѣ-
ка нашей исторіи; уже въ этой статьѣ
выразилось прямо вліяніе Нибура; въ ней

Было высказано общее положеніе, что въ исто-
рии всякаго государства и народа необхо-
димъ первый основополагающій періодъ, что такъ
было у всѣхъ народовъ, такъ было у Римлянъ,
такъ должно быть и у насъ; 2) „О осно-
полагающій времени въ Россійской исторіи“;
въ этой статьѣ рѣшаются два важные
вопроса: а) имѣетъ ли русская исторія осно-
полагающій періодъ? б) все ли происшествія,
сообщаемыя русскими летописцами и иностран-
цами, достоверны? На первый вопросъ авторъ
отвѣчаетъ утвердительно, что въ русской исто-
ріи существовать основополагающій періодъ. На
второй же вопросъ онъ отвѣчаетъ, что далеко
не все происшествія достоверны. При разборѣ
этого вопроса Каленовскій утверждаетъ, что
въ 1^х важные источники первыя времена
дошли до насъ не въ оригиналахъ, а въ сти-
скахъ и притомъ мы не имѣемъ списковъ
болѣе раннихъ, какъ только отъ XIV вѣка;
во 2^х въ пользу основнаго свидѣтельствуютъ
существующія преданія; и наконецъ,
иностранцы подтверждаютъ это только
въ незначительной степени.

Статьи юридическаго характера Каленов-
скаго были таковы: на первомъ мѣстѣ нуж-
но поставить его разборъ и изслѣдованіе о
Русской Правдѣ. Въ противоположность
предшествовавшимъ изслѣдователямъ, Ка-
леновскій не въришь Русской Правдѣ и не
считавъ возможнымъ пользоваться ею для
характеристики состоянія русскаго обще-
ства XI вѣка. Въ своемъ разборѣ Кале-

новскій заявлялъ, что Русская Правда не была открыта въ подлинникъ и представляла памятникъ совершенно неудовлетворительный съ точки зрѣнiя дипломатики. Онъ полагал, что она не могла возникнуть раньше XIII вѣка и приходитъ къ такому заключенiю съ одной стороны на основанiи состоянiя северной Европы, съ другой - на основанiи содержания самой Русской Правды. Характеризуя состоянiе северной Европы, онъ говоритъ, что тамъ національное право возникло очень поздно; юридическiе уставы должны были вырабатываться только спустя нѣсколько столѣтiй послѣ принятiя Христіанства. При этомъ Каленовскій приводитъ чертъ Русской правды, свидѣтельствующiй о замѣшанiи, такъ: "головуизна", "головникъ" онъ приводитъ отъ "саритъ", "виръ-германское *Wirt-germ*"; счетъ гривенъ, по слову Каленовскаго началъ практиковаться въ Европѣ не раньше XII вѣка. Все это приводитъ его къ тому убѣжденiю, что эти параграфы были замѣшаны русскими и самое замѣшанiе проникло въ Новгородъ отъ балтійскихъ Славянъ, а эти послѣднiе замѣшывали ихъ отъ нѣмцевъ; слѣдовательно, Русская Правда не могла возникнуть въ XI вѣкѣ.

Каранзинъ думалъ, что у насъ существовали кожаныя деньги, называвшіяся мартками, ногатами и соответствовавшiя маленькимъ кусочкамъ кожи. Но Каленовскій опровергаетъ это и заявляетъ, что

невозможно предположить въ ту эпоху та-
кого высокаго уровня образованности. Въ про-
тивоположность этому Каленовскій заявляетъ,
что наши названія денегъ заимствованы, на-
примеръ: наши бѣлки" есть заимствована-
ніе отъ алвий-бѣлыя, серебряныя монеты;
лобки это лобки, т.е. лобкскіе перениги;
онъ думаетъ, что сначала у насъ ходили монета
для мѣнливой торговли, а затѣмъ они были
вытѣснены чеканенною и вѣсовою монетою.
Нѣкоторые мнѣнія Каленовскаго подтверди-
лись въ послѣднее время.

Наконецъ, говоря о заслугахъ Каленовскаго, мы
не можемъ обойти работъ его учениковъ и
послѣдователей. Къ числу ихъ мы должны
отнести работу Строева, который напи-
салъ статью „О пользѣ изученія русска-
ской исторіи въ связи со всеобщей;“ въ этой
статьѣ дѣлается характеристика восточной
исторіи въ средніе вѣка и разбираются недо-
статки собственно русской исторіи. Затѣмъ
Стрекашовъ написалъ статью о Болотинѣ,
какъ критикъ; Станкевичъ - „О причинахъ
постепеннаго возвышенія Москвы до смерти
Іоанна III; Эта статья проникнута ду-
хомъ западно-европейской исторической крити-
ки; начиная съ примѣненія общихъ исто-
рическихъ идей Террена и Гизо, Станкевичъ
говоритъ, что и къ Русской исторіи нужно
применить законы историческаго развитія.
Во этой точкѣ зрѣнія авторъ разсматрива-
етъ исторію возвышенія Москвы и утверждаетъ,
что развитіе всякаго государства

начинается съ развитіемъ централизаціи, которая и привела къ возвышенію московскаго государства. Затѣмъ авторъ останавливается на ближайшихъ причинахъ: на географическомъ положеніи, на значеніи боярства, духовенства и др.

Наконецъ, къ скептическому направленію Каменовскаго приспосабливаетъ если не ученикъ его, то во всякомъ случаѣ пошловодателевъ — Арицыбащевъ, авторъ известнаго трех-томнаго сочиненія, которое называется „Повѣствованіе о Россіи“. Статьи его таковы:

- 1) „о степени доброты къ исторіи, сочиненной княземъ Курбскимъ“; Карамзинъ въ своей исторіи высказалъ мнѣніе на основаніи только сочиненія Курбскаго; Арицыбащевъ же заподозрилъ Курбскаго въ пристрастіи и его статья положила начало отрицательнаго отношенія къ сочиненіямъ Курбскаго;
- 2) затѣмъ идетъ его рецензія объ „Исторіи Государства Россійскаго“, гдѣ онъ слѣдитъ шагъ за шагомъ за исторіей Карамзина и указываетъ, какъ Карамзинъ раскрашивалъ событія и факты.
- 3) наконецъ тотъ же Арицыбащевъ написалъ „Повѣствованіе о Россіи“ въ 3^х томахъ; Эта книга появилась такъимъ образомъ: Арицыбащевъ скопировалъ свой выписки изъ всѣхъ лѣтописей, причеиъ свѣрилъ эти рассказы буква въ букву; такимъ образомъ его книга представляетъ свой лѣтописный извѣстій до 1700 года и хотя для чтенія она не годится, однако въ ней можно найти необходимыя данныя и важныя указанія для многихъ вопросовъ. Эта

ковы фактическия данныя о Каченовскомъ и его
школѣ.

Главными заслугами скептиковъ нужно признать
1) примѣненіе высшей критики и къ источникамъ
и къ фактамъ русской исторіи; до сихъ поръ
ограничивались критикой текста и источниковъ,
но не доходили до критики фактовъ и событій;
скептики обратились именно къ этому и, если
во многихъ случаяхъ они и хватили черезъ край, то
несомнѣнно, что значительное число ихъ указаній
на легендарный и баснословный характеръ рус-
ской исторіи подтверждено въ послѣднее вре-
мя. 2) Скептики оказали заслугу тѣмъ, что
указали на общіе историческіе законы въ жизни
и въ исторіи и попробовали примѣнить ихъ
къ русской исторіи. 3) Скептики поставили
своей цѣлью выдѣленіе изъ достоверной исто-
ріи недостоверныхъ сказаній. Они были совер-
шенно правы, когда рассказы о смерти Олега
и подробности о мщеніи Ольги относили къ
области легендъ и басень; не совсемъ же правы
сказавъ они относительно Русской Правды.
Несомнѣнно, что Русская Правда получила свое
начало въ половинѣ XI столѣтія; ихъ ввелъ
въ заимствованіе невѣрный взглядъ, что Русскіе
въ древній періодъ были совершенно лишены
культуры и что эта культура была насаже-
дена нѣмцами. Новѣйшая разработка рус-
ской исторіи совершенно опровергаетъ это поло-
женіе скептиковъ. Наконецъ 4) служитъ орі-
ентиръ важное указаніе, сдѣланное скепти-
ками, относительно значенія событій запад-
но-русской исторіи. II^е часъ.

ной исторіи для русской исторіи. Правда, этот послѣдній пунктъ достигъ крайняго развитія въ "исторіи русскаго народа" Полевого; но тѣмъ не менѣе это принесло своего долю пользы.

Полевой -

авторъ "Исторіи Русскаго народа".

Полевой довольно тѣсно примыкаетъ къ скептической школѣ въ русской исторіографіи. Биографія его въ краткихъ чертахъ такова: онъ происшедшій изъ купеческаго званія и не получившій высшаго, правильнаго научнаго образованія; это обстоятельство имѣло и выгодную и невыгодную сторону. Выгодная сторона этого заключалась въ томъ, что онъ явился на ниву Русской исторіи безъ старыхъ традицій въ качествѣ новаго чужака и потому могъ совершенно свободно относиться къ "исторіи государства Россійскаго" Карамзина. Онъ являлся представителемъ западнаго направленія въ русской исторіи. Онъ выдвинулся на литературномъ поприщѣ изданіемъ собственнаго журнала "Московский телеграфъ", продолжавшагося отъ 1825 - 1834 г.г. Полевой поставилъ свою задачу и цѣлью перенесенія западно-европейской науки и литературы на русскую почву. Этой цѣлью онъ достигъ и журналъ его пользовался большимъ авторитетомъ. Въ журналѣ этомъ Полевой помѣщалъ между прочимъ статьи о Нибурѣ. Крѣпко того онъ помѣстилъ въ своемъ журналѣ рецензію на "Исторію государства Россійскаго" Карамзина. Полевой

высказавъ здѣсь слѣдующую главную мысль: Карамзинъ былъ историкъ прошлаго XVIII вѣка, т. е. того историческаго направленія, которое проявилось въ требованіяхъ Робертсона, Юма и Гиббона; онъ не былъ философомъ историкомъ XIX вѣка. Трудъ Карамзина, вышедшій въ XIX вѣкѣ, приписываетъ къ XVIII вѣку, потому — иррито самъ авторъ, воспитанный на идеяхъ XVIII столѣтія, не пошелъ дальше ихъ и окончательно на нихъ утвердился. Обращаясь къ опредѣленію исторіи Карамзина, Полевой заявляетъ, что это риторическія фразы, не заслуживающія вниманія. Сама „Исторія Государства Россійскаго“ представляется Полевому какъ мѣтанисъ, а не какъ настоящая исторія; въ этой мѣтаниси мы можемъ найти иль нѣтъ галерею историческихъ портретовъ; изображаются отдѣльныя событія, но не указываются причины этихъ событій, ихъ внутренняя и логическая связь. Такимъ образомъ „Исторія Государства Россійскаго“ не даетъ намъ понятія о Русской жизни, которая постепенно развивалась и осложнялась. Наконецъ, вредитъ исторіи Государства Россійскаго и дурно понятая любовь къ отечеству. Онъ перенесъ современныя понятія о государствѣ въ самую древность и приложивъ къ давно прошедшимъ временамъ мѣрку настоящаго. Такимъ образомъ, Карамзину нѣтъ нѣтъ нѣтъ ни среди историковъ нашего времени — Микура, Мѣри и Гизо, ни даже среди историковъ XVIII вѣка. Они были для него образцами, но его собственныя творенія не могутъ

Быть поставлено на ряду съ ними. Впрочемъ, Полевой не оставилъ безъ вниманія и достоинствъ труда Карамзина: „онъ создавалъ и матеріалъ и сущность и слогъ исторіи, былъ критикомъ летописей и памятникъ, генеалогомъ, хронологомъ, палеографомъ, нумизматомъ. Своими трудомъ онъ вызвалъ рядъ извлеченій и изданій матеріаловъ. Особенно цѣнна художественная обработка изложенія исторіи.“

Такова рецензія Полевого на трудъ Карамзина; изъ всего видно, что трудъ Карамзина не удовлетворилъ полевого и вотъ онъ самъ даетъ попытку написать исторію по тѣмъ образцамъ и требованіямъ, которыя были выставлены Нибуромъ, Мюллеромъ и Гизо. Свои общія воззрѣнія онъ выразилъ въ предисловіи къ „Исторіи Русскаго народа; нѣкоторыя изъ нихъ весьма любопытны и интересны. Говоритъ объ взглядѣ на древнюю исторію, Полевой замѣчаетъ: „Читайте Грековъ и Римлянъ, вы всегда увидите подлинное, героическое, нравственное направленіе, отдаленно или соединенно...“ Такиѣ понятія древнихъ объ исторіи изъясняются весьма легко. Древніе не мыслили будущаго въ общей судьбѣ человечества, ибо идея человечества была имъ неизвѣстна.“ Какіе же требованія отъ историка философа? Полевой говоритъ: „Историкъ, напитанный духомъ философіи, согреваемый огнемъ поэзіи, принимающій за скрепку исторіи, долженъ заботѣ и логическіе выводы первой и увѣщательскіе второй. Онъ долженъ отдѣлаться отъ

своего вѣка, своего народа, самого себя. Его
 объективность — истина чистая, безпристраст-
 ная, не увлекаемая ни духомъ системъ, ни
 поэтическимъ огнемъ, презирающая въ
 глазахъ нашихъ предметы. Пусть ли чуждой нѣ
 и не должно быть у историка, ибо исторія,
 какъ жизнь есть сама себѣ цѣль". Возра-
 жая Караццину, которой придавалъ громад-
 ное значеніе этическому элементу въ исторіи,
 Полевой говоритъ: „Несносно и званіе учите-
 ля нравственности, заставляющее истори-
 ка говорить аподиксически и сентенціями,
 какъ будто правоученія, лишь подсказываемыя,
 могутъ научать современниковъ и потомство,
 если дѣла и событія не могли научить ихъ!"
 Возражая да еще Караццину, что отечествен-
 ная исторія для насъ любопытные друзья,
 говоритъ: „Должно ли значить то время, съ
 котораго можно почесть Русское государство
 самостоятельнымъ, непосредственно участвующимъ
 въ судьбѣ человечества? Побѣждая наред-
 ную гордость, мы скажемъ, что въ сѣнь отно-
 шеній исторія Россіи началась съ царство-
 ванія Петра Великаго...". Ни мало не почи-
 таю исторію Россіи для насъ любопытные
 друзья, потому что Россія есть наша родина,
 что въ ней покоится прахъ нашихъ пред-
 ковъ!... „Въ настоящей жизни, въ дѣйстви-
 тельствѣ своемъ мы должны быть сынами оте-
 чества, гражданами Россіи... советъ и наглаго
 въ прошедшемъ. Но, будучи для прошедша-
 го безстрастными наблюдателями, безпри-
 страстными повѣствователями, мы найдемъ

въ исторіи Россіи картинну вѣдущую, зани-
мательную, любопытную по содержанию свое-
му, безъ всякихъ другихъ отношеній." Говорю
своихъ предшественниковъ, Полевой выска-
залъ слѣдующее положеніе: „никто изъ ис-
тѣнныхъ здѣсь историковъ Россіи не имѣлъ
ни истиннаго понятія о древностяхъ, ни надле-
жащихъ приготовленій къ труду. Все, что вы-
ше сказано о ложныхъ направленіяхъ исто-
ріи, виднѣ въ нихъ соединенное съ незнаніемъ,
ошибками умощленными и неувыженными,
погрѣшностями иногда даже забавными...
неувыженное знаніе умигнать и филологиче-
ствовать видны въ каждомъ русско-мъ исто-
рико-мъ прошедшаго вѣка отъ Хилкова до
Стрижневскаго. Русь притомъ ведутъ только
хронологію государей, списываютъ лѣтопи-
си безъ критики и соображеній и даютъ сво-
имъ сочиненіямъ названія исторій, иногда
съ прибавками въ титулахъ самыми смѣш-
ными."

Послѣ этого Писевской переходитъ къ своему
труду и представляетъ доводы, почему онъ
назвалъ свою книгу — „исторія Русскаго на-
рода". — „Названіе книги „исторія Русскаго
народа" показываетъ существенную разницу
моего взгляда на исторію отечества отъ
всѣхъ донынѣ извѣстныхъ. Я полагаю,
что въ словахъ: „Русское государство" за-
ключается главная ошибка моихъ пред-
шественниковъ. Государство Русское начало
существовать только со времени сверженія
и монгольскаго. Рюриковъ, Синеусъ, Труворъ

Аскольдъ, Диръ, Рюрикъ основали не одно, но отдѣльныя, разныя государства.... Кіевское государство, усиленное Олегомъ, Игоремъ, Ольгомъ, Святославомъ, Владимиромъ и Ярославомъ, дѣлившись потокомъ своимъ отъ сѣвера и представляло особую систему феодальныхъ русскихъ государствъ. При такомъ взглядѣ измѣняющаяся совершенно вся древняя исторія Россіи и можетъ быть только исторія русскаго народа, а не исторія русскаго государства.

Свою книгу Талейковъ дѣлитъ на слѣдующіе периоды: первый периодъ онъ оканчиваетъ смертью Ярослава Мудраго; второй доводитъ до нашествія Монголовъ; въ 3^{мъ} периодъ онъ рисуетъ монгольское иго; четвертый отдѣленъ отъ Іоанна III до Петра; пятый начинается Петромъ Великимъ.

Затѣмъ онъ говоритъ, какъ онъ писалъ свою исторію: „Я старался узнавать духъ, мнѣнія, понятія, нравы и повѣрья каждого вѣка. Для сего въ грубой простотѣ являющейся у меня всѣ слова, рѣчи дѣла героевъ исторіи Русской. Нѣтъ ничего моего, перенесеннаго изъ нашихъ временъ. Безпристрастный и безмолвный при дѣлахъ, который самъ за себя говоритъ, я старался только распрясрѣнаться въ изысканіи причинъ, старался указывать читателямъ на все, что вѣрнѣе и лучше можетъ представить сущность каждого событія, характеръ каждого историческаго лица и нигдѣ не позволялъ себѣ суда и униженія историческаго. Пасъо невольная хвала доблести, невольное негодованіе

разсказавъ въ душѣ моей, но я стараюсь таить, скрывать ихъ. Желая представлять читателямъ картины не битвъ и сраженій, но жизни прошедшаго, я не отдѣляю въ особыя главы описаній законовъ, нравовъ, обычаевъ, повѣрій и т. п. хотѣлъ отнѣмать и одушевлять суркія изображенія событій." Наконецъ въ заключеніе онъ воздаетъ благодарность своимъ предшественникамъ и упоминаетъ о нѣкоторыхъ ученыхъ: „въ уваженіяхъ говоря о палеогеографіи и археогеографіи: Добровскому, Намайдовичу, Востокову, Кеппену, Строеву, Штурму, политикъ Евгению; критикахъ исторіи: Миллеру, Миллеру, Лерхеру, Френу, Кругу и многимъ другимъ, должно имъ забыть также писателей, которые своимъ великимъ воззрѣніемъ на исторію, своимъ образцовымъ твореніемъ, своею всеобъемлющею критикою угадываю насъ мыслить, соображать и писать? Нѣтъ! И въ сему отношеніи знаменитыя сочиненія нашихъ учителей Нибууровъ, Гизо, Гегеленъ, Тьерри, Герднеръ должны войти упомянуты въ число важнѣйшихъ предметовъ, предварительнаго изученія коихъ требуется всякая исторія, следовательно и исторія Русскаго народа." Такъ въ взглядъ Полевого на Русскую исторію.

Обращаясь къ его „исторіи Русскаго народа“, мы должны указать на отличительныя особенности его труда, на тѣ взгляды и соображенія, которые отличаютъ его отъ Карамзина; вообще книга Полевого представляетъ полемикъ съ Карамзинскимъ; даже въ тѣхъ мѣ-

ствахъ, гдѣ прямо не указывается на Карам-
зина, нужно подразумѣвать этого послѣдняго.
Основаніе русскаго государства, по мнѣнію
Полевого, было положено Норманскими эле-
ментами, бытъ которыхъ Полевой и разсма-
триваетъ въ началѣ своего труда. Что же ка-
сается русскаго туземнаго элемента, то
этотъ послѣдній представлялъ собою рабовъ,
покоренныхъ пришельцами. Полевой вовсе
не разсматриваетъ внутреннего быта сла-
вянъ; онъ ограничивается только самыми
краткими чертами, очеркнутыми изъ лето-
писи. Олехъ переходитъ въ кievское княже-
ство и его переходъ есть, по мнѣнію Полевого,
продолженіе Норманскихъ завоеваній. Догово-
ры первыхъ русскихъ князей съ греками до-
стоверны, но рассказы летописи о походахъ
изобилуютъ баснями, которыя представляютъ
пересказъ подлѣ Скальдовъ.

Рассказъ о Рюрикѣ, Синеусѣ и Труворѣ пред-
ставляетъ собою такой же мифъ въ русской
исторіи, какой въ Римской - Ромулъ, как до-
казано это Нибуромъ. Интересенъ его взглядъ
на Русскую Правду; по его мнѣнію Русская
Правда представляетъ собою сборникъ по-
становленій и законовъ русскихъ князей и въ-
та, но основа его гораздо древнѣе XIII вѣка; въ
этомъ отношеніи Полевой стоитъ гораздо
ближе къ истинѣ, чѣмъ скептики.

До вренія до Владиміра святаго господство-
валъ феодальный порядокъ, который толь-
ко при Владимірѣ былъ замѣненъ строемъ
Рус. исторіографія II ч.

монархический, позамыслованный изъ Византии. Удачный периодъ былъ, по мнению Полевого, много въпередъ для Россіи. Сравнивъ исторію запада съ исторіей Россіи, Полевой приходитъ къ слѣдующему заключенію: Россія вступила въ союзъ съ Византией, но эта послѣдняя дала очень мало Россіи, по крайней мѣрѣ не столько, сколько Греція и Римъ западной Европы.

Исторія Новгорода есть ни больше ни меньше, какъ повтореніе исторіи западныхъ городовъ Франціи, Германіи и другихъ. Подобно тому, какъ имперія Карла Великаго распалась при его преемникахъ, такъ точно и Русь распалась на отдѣльные князества, потому что состояла изъ разныхъ народностей; удѣльная система — это точная феодальная система запада."

Второй томъ Полевой начинаетъ общей картиной эпохи до XIII столѣтія; здѣсь поучительны и интересны его сообщенія географическія, политическія, общественныя и нравственныя. Такъ напримѣръ относительно географическаго распредѣленія земель, Полевой говоритъ слѣдующее: „Указавъ границы Русскихъ областей, мы должны при-
совокупить къ сему, что подъ сими границами не должно раздѣлѣть постоянныхъ рубежей, уважая сѣверныя, защищенные правильно и крѣпко, рубежи, за которыми начинались бы области, безопасно правившія князьями... Жизнь русскаго народа сосредоточивалась окрестъ мѣстопребыванія по-

вештемя. Такиѣ мѣста составляли Кіевъ и Новгородъ. Мѣшь даше отъ нихъ, тѣшь болѣе слаба на жизнь общественная, соединяясь, но уже слабѣе окрестъ Смоленска, Чернигова, а на сѣверѣ окрестъ Изборска и другихъ городовъ. Переяславль, Владимиръ, Ладога, Муромъ стояли на границахъ; отъ нихъ далеко внутрь земли, не было общественной жизни, ибо страхъ вторженія неприятелей не дозволялъ быть здѣсь безопаснымъ... Пустыни обществѣнности въ русскихъ внутреннихъ областяхъ показывались именно тѣшь, что области сблизкались одна съ другою устройствомъ городовъ, а въ пространствахъ между городами постепенно сѣшь и деревень, т. е. обиталищъ неукрѣпленныхъ." Что касается до нравственнаго и умственнаго состоянія русскаго общесѣва, то приведу цѣлый рядъ литературныхъ памятниковъ, Полевой приходитъ къ тому заключенію, что нравственное и умственное состояніе было не высоко: » Русь не превзошла запада образованіемъ, просвѣщеніемъ, общественностью, но не была и ниже его; только политическіе бытіе одной было отдѣльное отъ бытія западныхъ европейскихъ земель и народовъ... Русь при Ярославе и Владимирѣ была государство сильное, единодержавное, грешное просвѣщеніемъ, върою, гражданственностью. Представляя собою наработки общественнои, она уступала западу тѣшь, что не имѣла важныхъ преимуществъ и средствъ, таившихся на западѣ: — древней гражданственности, древней-

го образования и просвѣщенія, подобно садовымъ растеніямъ, удичавшимъ среди развалинъ, но не погибшимъ. Надобно было только руки време- ни удобить новую почву и пересадить рас- тѣніе, сдѣлавшееся дикимъ, чтобы оно снова пышило разцвѣло: Этого Русь не могла ожи- дать." Вообще говоритъ Полевой, вся Эпоха до XIII столѣтія, является результатомъ исто- рическихъ обстоятельствъ: „Не много надоб- но вниманія, если пожелаешь видѣть, что пер- воначальная исторія Руси приготовила это сою- зѣ, котораго картину мы изобразимъ, а разсматривая сію картину, мы понимаемъ, чему изъ сего состоянія долженствовало явиться... Состояніе общественности, духъ времени, образъ мыслей и понятій, географическія подробности, современныя событія въ странахъ, окружавшихъ Русь, должны были произвести именно то, что было въ Руси. Съ этой точки зрѣнія даже мон- гольский періодъ полезенъ для русскаго государя- тва, что онъ способствовалъ развитію самодер- жавія." Отношеніе Полевого къ историческимъ лицамъ таково: онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на продуктъ историческихъ обстоятельствъ; но въ этомъ случаѣ онъ впадалъ въ ошибку. Какова же была заслуга Полевого? Полевой высказалъ идею прогрессивнаго развитія рус- ской исторической жизни, идею, которая была совсѣмъ чужда его предшественникамъ. Главнѣйшимъ же его недостаткомъ было от- сутствіе спеціальнаго подготовленія. Отношеніе къ нему современниковъ было довольно враждеб- ное и злободное; такъ въ тогдашнихъ

журналахъ мы встрѣчаемъ такого рода этнографію:

Увы! Россійскій нашъ Лекеркъ

узнавъ, слышавъ и померкъ

за то, что посватилъ Нибуру

Двѣнадцать книгъ. Чего? Сибурю.

Скептическое направленіе встрѣтило реакцію въ лицъ Погодина, Буткова и Иванова.

Добровскій, Венелинъ и Шафарикъ.

Но прежде, чѣмъ говорить о реакціи противъ скептиковъ, намъ необходимо сдѣлать нѣсколько замѣчаній о западно-славянскихъ ученыхъ, которые явились съ протестомъ противъ выводовъ нѣмецкой исторической школы относительно происхожденія славянъ. Представителями этого направленія нужно признать Добровскаго, Венелина и Шафарика.

Добровскій въ своей славянской грамматикѣ указавъ на единство и родство Славянъ между собою. Венелинъ былъ родомъ изъ Горской Руси, явился въ Россію, поступивъ въ Московскій университетъ и выступивъ съ цѣлымъ рядомъ сочиненій, но былъ лицомъ строго критическаго направленія; онъ ушелъ слишкомъ далеко съ своими теоріями и представлялъ оригинальное явленіе въ разработкѣ славянскихъ древностей.

Совершенно инымъ характеромъ отличался "Славянскія Древности" Шафарика; онъ произвелъ цѣлую эпоху этническихъ сочиненій; онъ утвердилъ ходячія мнѣнія нѣмецкихъ ученыхъ и ихъ взглядъ на Славянъ; онъ доказалъ, что Сла-

Ване являюстя такимъ же древнимъ народомъ, какъ и другіе сѣвернейскіе народы; онъ слѣдуетъ за древнѣйшими судьбами славянъ, начиная отъ Геродота до V вѣка по Рождеству Христову, затѣмъ отъ V до IX вѣка и, уже послѣ Эдого, слѣдуетъ вкратцѣ и за исторіей отдаленныхъ славянскихъ народовъ. Погодинъ напечаталъ краткій конспектъ изъ этого сочиненія Шафарика.

Противники скептиковъ:

Погодинъ, Бутковъ и Ивановъ.

Обращаясь теперь къ противникамъ скептиковъ — М. П. Погодину, Буткову и Иванову. Личность Погодина заслуживаетъ полного вниманія и потому я останавливаюсь на немъ съ нѣкоторою подробностью. Біографія Погодина, которую я заимствовалъ изъ его собственныхъ автобіографическихъ записокъ, такова: родился онъ въ 1800 году въ Москвѣ и происходилъ изъ крестьянскаго сословія; онъ гордился этимъ и съ удовольствіемъ издавалъ найденное имъ сочиненіе Посошкова. Еще до десяти лѣтъ онъ почувствовалъ страсть къ чтенію. Роститывался онъ дома и много читалъ. Наступилъ 1819 ^{ѣм} годъ — время патріотизма и это патріотическое возбудженіе повело его самъ и съ увлеченіемъ читать афиши Растопчина въ Москвѣ. Затѣмъ вскорѣ поступилъ въ гимназію, гдѣ занимался древними и новыми языками; здѣсь же онъ увлекался Нарциссизмомъ, преимущественно его литературными произведеніями; съ нетерпѣніемъ ожидалъ онъ выхода въ свѣтъ его „Исторіи Государства

Россійскаго и при этомъ представлялъ себя въ дра-
матическомъ видѣ самого автора. Затѣмъ,
когда было объявлено о выходѣ въ свѣтъ „Исто-
ріи Государства Россійскаго“, то онъ выпнулъ
ее и долгожданъ присылки; получивъ ее, онъ рѣ-
шилъ отдать ее въ переплетъ, но переплетчикъ,
къ великому прискорбію Погодина, пропавъ
эту книгу; очень и очень долго Погодинъ не могъ
примириться съ этимъ. Наконецъ онъ посту-
пилъ въ университетъ, причемъ оказалось, что
наибольшее вліаніе на него имѣлъ профессоръ
русской словесности Мерзляковъ, лекціи ко-
торого Погодинъ посѣщалъ очень охотно. При
посредствѣ студента Кударева Погодинъ
познакомился съ сочиненіемъ Млеуера „Не-
сторъ“ и это сочиненіе произвело на него гро-
моздое впечатлѣніе. Первая историческія
работы молодого кандидата помѣщались
въ Вѣстникъ Европы Маченовскаго; тогда
же Погодинъ при посредствѣ Маченовскаго
познакомился съ знаменитымъ графомъ Ру-
мянцевымъ. Погодинъ очень понравился Ру-
мянцеву, писалъ ему разного рода ментія ра-
боты и графъ хотѣлъ даже отправить его
за границу. Въ то время въ Московскомъ уни-
верситетѣ профессоромъ русской исторіи былъ
Маченовскій, въ журналѣ котораго Погодинъ
помѣщалъ свои работы, но вскорѣ разош-
ся съ нимъ и съ этого времени вѣлъ съ нимъ
борьбу на манеръ 30-ти лѣтней религіозной
войны въ Германіи. Борьба эта велась и на
страницахъ журнала и въ университетскихъ
аудиторияхъ. Сами Погодинъ говоритъ, что

его лекцій посвѣщала масса студентовъ, по-
лучито онъ высказывавъ мнѣнія протнвопо-
ложены Каченовскому. Последний доказывалъ,
что Русская Правда и лѣтописи Нестора не-
достоверны. Съ лекцій Каченовскаго студен-
ты переходили наверхъ на лекціи Погоди-
на, который стоялъ за Русскую Правду и
доказывалъ происхожденіе Руси отъ Заравовъ.
Послѣ этого Погодинъ выдержалъ магистер-
скій экзаменъ (въ день преп. Нестора) и пред-
ставилъ для магистерской диссертации свою
работу „о происхожденіи Руси“, въ которой
кореннымъ образомъ расходился съ Каченов-
скимъ; послѣдній, не смотря на это, призна
работу вполне достойною степени магистра.
Работу свою Погодинъ посвятилъ Караижи-
ну: „У Вася, говоритъ онъ тамъ, началъ я
учиться добру и злому исторіи; позвоьте по-
святить вамъ въ знакъ искренней благо-
дарности первый трудъ мой?“ Караизинъ,
въ свою очередь, прислалъ ему благодарное пись-
мо, гдѣ искренно благодарилъ Погодина.
Извѣстный академикъ Кругъ, прочтя его
диссертацию, остался ею очень доволенъ и
далъ прекрасный отзывъ, подобно митро-
политу Свѣенію и Востокову. Въ это время
Погодинъ началъ читать лекціи по всеобщей
исторіи для перваго курса и въ основу
своихъ лекцій положилъ руководство Шле-
цера. Всюгда затѣвъ онъ получилъ про-
изводство въ адъюнкты и вѣдѣлъ съ тѣмъ
приступить къ чтенію лекцій по русской
исторіи, которую онъ читалъ по собствен-

ныиъ изслѣдованіиъ съ характеромъ, про-
тивоположныиъ Каченовскому. Презъ нѣско-
рое время онъ окончательно перешелъ на ка-
федру русской исторіи. Характеръ его уче-
ний былъ таковъ: онъ готовился къ каж-
дой лекціи и при этомъ подробно излагалъ
одну какую нибудь періодъ, остальные въ
общихъ чертахъ; въ слѣдующій годъ изла-
галъ подробно другой періодъ и т. д. Въ от-
ставку онъ вышелъ очень рано, при томъ по-
ложивъ, что рѣшился написать русскую исторію.
Онъ сдѣлавъ нѣсколько въ родѣ исторіографа:
императоръ Александръ рѣшилъ доставить
ему средства. Онъ хотѣлъ писать эту рус-
скую исторію не въ одномъ какомъ-либо
лѣтѣ, а во многихъ: Первую часть, т. е.
древнѣйшую на Балтійскомъ поморьѣ;
Кіевскій періодъ — въ Кіевѣ и т. д. Время
сущей Тосадинъ много времени провелъ
въ путешествіяхъ; изъѣздивъ почти все вы-
дающіеся пункты Россіи, посѣтивъ Кіевъ, гдѣ онъ
былъ у профессора Максимовича, былъ въ Харь-
ковѣ, гдѣ изслѣдовалъ съ тогдашнимъ преосвя-
щеннымъ Иннокентіемъ; бывалъ онъ и въ Одес-
сѣ, гдѣ Мурзакевичъ показывалъ ему древности.
Отправившись за границу, Погодинъ и тамъ
посѣщая лѣтніища, извѣстныхъ историче-
скихъ событіямъ; такъ, онъ былъ въ Гет-
тингенѣ, посѣтивъ домъ Меллера, его библіо-
теку. Время того Погодинъ находившійся въ
сношеніи съ западно-европейскими учеными —
Башаровскимъ, Ганкой и другими. Однимъ
словомъ у него былъ громадный кругъ знаком-

ства; можно сказать, что все литературные дела были знакомы ему и главным образом те, которые имели какое либо отношение к русской истории. Он не был исключительно ученым; он был всесторонним публицистом; он издавал два собственных журнала, которые по своему характеру были противоположны Вестнику Европы. Большим делом пользовался его второй журнал „Москвитининъ“, так как он считался славянофильским характером.

Благодаря литературным и научным сведениям, путешествиям и необыкновенной практичности ему удалось собрать свое знаменитое „Древлехранилище“. Первое значительное приращение его произошло в то время, когда он получил Демидовскую премию за магистерскую диссертацию. Собирав он древние памятники без всякого разбора „въ загребъ“. Ему благоприятствовали обстоятельства; в это время умерли графы Румянцевъ и Толстой, которые приохотились всяких раскольниковых да известную массу доставать древние рукописные памятники и вотъ, после смерти, обилие лишь охеристы тащили весь добытый материалъ въ погоду. Кроме того он приобреталъ разного рода библиотеки. Таким образом образовалъ его „Древлехранилище“ состояло изъ 27 отделовъ: сюда входили автографы царской фамилии, подлинные указы, письма и бумаги государственных сановников прошлаго века, автографы русских писателей, древние рукописи, старопечатные церковно-слав-

Венскія книги, грамоты и акты юридическіе,
 монеты, иконописи, литейное и чеканное дѣло;
 резьба на деревѣ, кости, камни; золото-
 швейное искусство, кресты, церковныя вещи,
 древнія печати, убранство, утварь, оружіе, кур-
 ганныя вещи, вещи Тудскихъ копей, материалы
 для новой русской исторіи, материалы для
 исторіи русскихъ славянъ, бумаги ученыхъ, му-
 зейныя картинки, первыя гравюры, литера-
 тура прошлаго вѣка. Коллекціи, какъ мы
 видимъ крайне разнообразная, обнаруживаю-
 щая первоначальный способъ своего происхожде-
 нія; въ составъ ея вошли рукописи Строева,
 Филиатова, Лантева, Калашникова, Болова
 и другихъ. Погодинъ все это собиралъ,
 какъ и сама трудолюбивая. Прогресса, она
 была въ Императорскую публичную библио-
 теку за 150000 рублей. Чтобы закончить ха-
 рактеристику Погодина, слѣдуетъ остано-
 виться еще на одномъ эпизодѣ. Это именно
 на диспутѣ съ Костомаровымъ 19го марта
 1860 г. Рѣзовъ на этотъ диспутъ былъ сдѣ-
 ланъ самимъ Погодинымъ въ письмѣ, адресо-
 ванномъ на имя Костомарова: „Я считаю
 васъ честнымъ, добросовѣстнымъ и снѣдова-
 телемъ въ кругу шарлатановъ, невѣждъ, по-
 средственностей и бездарностей, которые, поль-
 зуясь исключительнымъ положеніемъ, при-
 вали себя на минуту авторитетъ въ дѣлѣ
 науки и приводятъ въ заблужденіе неопыт-
 ную молодежь: вотъ почему я требую отъ
 васъ во имя этой науки полной сатисфакціи,
 т.е. торжественнаго отступленія изъ

Жилуду, или полного отражения приведенных мною кратких доказательствъ, за которыми я готовъ выдвинуть и тяжелую артиллерию. Иначе бросаю вамъ перчатку и вызываю на дуэль, хоть въ пассажъ. Секундантовъ мнѣ не нужно, развѣ тѣни Байра, Шлезера и Врупа, если у васъ въ Петербургѣ есть вызыватели дуэлей, а вѣдѣя потѣхи можете пригласить себѣ въ секунданты любыхъ рыцарей Свистопильски.

Сборъ, въ доказательство моего безпристрастія, я готовъ уступить въ пользу неимущей Жилуды. Безъ шутокъ, принявъ на недѣлю въ Петербургъ, я предлагаю вамъ публичное разсужденіе, въ университетѣ, географическомъ обществѣ, или въ Академіи въ присутствіи моихъ, принимающихъ участіе въ вопросѣ. Хотѣю я хотѣю 20 уже оставшихъ его, но, посвятивъ ему 10 лучшихъ лѣтъ въ жизни, помню во всѣхъ подробностяхъ и готовъ отстаивать его *in quibus et nostris*." Частомаровъ въ отвѣтъ на это принимаетъ вызовъ Погодина и пишетъ такъ въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ:

„Такъ какъ М. П. Погодинъ вызывалъ меня на публичный предѣнокъ, то я отвѣчаю ему публично. Это значитъ — мы дошли до поля, какъ во время оно двѣдѣ наши, осыпавшіе себѣ управы по судейникамъ, досуживались до поля. Я принимаю вызовъ М. П. Погодина съ полнымъ уваженіемъ какъ къ наукѣ, такъ и къ почтенному ея ветерану, считаю это предложеніе высокою для себя честью и объявляю Погодину, что онъ найдетъ меня съ оружіемъ въ рукахъ вездѣ и всегда,

куда только назначить явиться. Но въ такомъ
случае, чтобы споръ нашъ, какъ часто бываеѣтъ
со спорами, не окончился ничемъ и чтобы каже-
дой изъ насъ не стоялъ упорно на своемъ мнѣнii,
я предлагаю выбрать посредниковъ не менѣе
3 osób, извѣстныхъ ученыхъ, оказавшихъ рус-
ской исторiи действительную пользу и при-
томъ такихъ, которые не писали въ варяже-
скомъ вопросѣ и не принимали участiя въ
спорахъ по поводу его. Предъ нами, въ прису-
ствии постороннихъ любителей науки я вы-
скажу свои возраженiя на ваши и пусѣбони
по совѣсти рѣшать, на чьей сторонѣ болѣе
правды. Я обещаюсь покориться ихъ приго-
вору и выступить изъ Исмуды, если они оправ-
даютъ васъ... Съ своей стороны я предлагаю
просить академiю нашу честь принять на
себя званiе посредниковъ въ нашъ споръ г.г.
Каначева, Кавелина и Буслаева. Погосдинъ
отвѣчалъ на это, что онъ очень ^{радъ} /Этому пред-
ложенiю, но пусть только будетъ судьба ^{пуб-}
лика?"

Предъ нѣсколькими днями послѣ этого, именно 19 го
марта состоялся самый диспутъ, на кото-
ромъ сначала сказалъ нѣсколько словъ ректоръ
университеѣа Тютчевъ, указывая собранiю
на представлявшiй новый способъ рѣшенiя уче-
ныхъ вопросовъ посредствомъ бесѣды 2 уче-
ныхъ. Здѣсь даѣтъ мѣ Погосдинъ обратившiй
къ публикѣ и прочесть свое писмо къ Ко-
стомарову въ нѣкоторыхъ, однако, исключе-
нiяхъ: "Достойной мой соперникъ, коѣра-
го я едва вырсу скваѣ мгу литовскую,

нам норманскую, изъявивъ желаніе, чтобы я прочелъ сперва письмо свое къ нему съ возраженіями на его мнѣніе, дабы вы, милостивые государи, получили понятіе о вопросахъ, около которыхъ будетъ обращаться наше преніе. Съмѣлъ за этииъ Богодинъ высказываетъ свои пожеланія и началъ споръ, въ которомъ публика принимала живѣйшее участіе, награждая противниковъ аплодисменами.

Богодинъ. „Всѣ ваши доказательства, всѣ ваши замѣчанія, отвѣты очень остроумны, вотъ ихъ отличительное качество; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ свою степень вѣроятности, болѣе или менѣе; другія наука должна принять къ свѣдѣнію, имѣя къ соображенію, скажу вамъ о нихъ вообще. Но нѣтъ ни одной аксіомы, надъ которою бы вы умомъ, съ способностями, свѣдѣніями небыло бы подготовиться.“ (рукопечканіе и смѣхъ). Затѣмъ идетъ сравненіе совокупности доказательствъ въ пользу норманскаго происхожденія съ пучкомъ розъ, которыми не въ состояніи были переломить въ совокупности дѣлти старика; какую силу и крепость имѣетъ этотъ пучекъ, такую и всѣ совокупно доказательства въ пользу норманскаго происхожденія Руси.

Жосфомаровъ. „На сравненія ваши позволюте мнѣ отвѣчать сравненіемъ же. Когда вы въ театрѣ смотрите на сцену, то, при хорошо устроенныхъ декораціяхъ лѣса, горы, замки вамъ кажутся настоящими, но подойдите поближе и осозайте - вы увидите, что

они картонные. Такою же иллюзію производи́тъ совокупность ученыхъ доказательствъ; но, чтобы ихъ узнать, надобно разсиротить ихъ подлинно-го и изсѣдовать силу и свойство каждаго въ отъдельности."

Затѣмъ начался споръ относительно того, что наши первые князья были Норманны, при чемъ Погодинъ замѣчаетъ: „Въ XVI, XVII вѣкахъ является много переходныхъ народовъ: венеціанцы, генуэзцы, португальцы, испанцы, голландцы, англичане; но въ IX вѣкѣ никого не было, кромѣ норманновъ."

Костомаровъ: „Но развѣ запорожцы, разбѣзжая на своихъ чайкахъ, заимствовались въ мореходествѣ отъ венеціанцевъ, или генуэзцевъ?" Затѣмъ начинаются взаимныя уступки; Костомаровъ: „положимъ, я вамъ уступаю Игоря, — уступите мнѣ Олега."

Погодинъ: „Далѣе платитежель красенъ: вашъ Олегъ крѣпче моего Олега. (Смѣхъ)."

Костомаровъ: „Уступите мнѣ еще Ольгу. Это все равно, что Александръ и Александра."

Погодинъ: „Вы страшиваете уже слишкомъ много. (Смѣхъ). Вспомните, какъ Ольга, прибавъ въ Константинополь, на аудіенціи у императора едва склонила предъ нимъ свою голову, когда въ падашъ до земли. Это истія Норманка."

Костомаровъ: „Чистая славянка, чистая мѣтвинка и всякая другая! (Смѣхъ). Я у васъ попрошу еще Аѣвѣла, Андана, Улина, Кари, Карши, Рогнеду, Рюрика... Вроде все это собственная Литовскія шена."

Погодинъ: „Аѣвѣла, ужь Рюрика-то никакъ не отдашь. (Смѣхъ). Вы приводите въ доказатель-

ство обстоятельство, что до сихъ поръ существу-
етъ въ Литвѣ франкскія Рюриковичей. Откуда же
бы имъ не происходить отъ Норманновъ? Заѣмъ
Погодинъ продолжаетъ: „Худой миръ лучше доб-
рой ссоры. Мы съ вами толковали о вѣстности
географическомъ. Но самое важное здѣсь - эле-
ментъ Норманнскій. Скажите же прямо: оѣху-
ли ли Руссы, какой въ нихъ элементъ? Это
самое важное. Вы, значитъ, признаете въ нихъ
вѣсть со мною Норманнскій элементъ? Этого
довольно для меня.“

Костомаровъ: „Какъ Норманнскій элементъ?
Этого я не говорю. Меня перебили; вы меня не
поняли.“

Погодинъ: „продолжайте.“

Костомаровъ: „Я твердо остаюсь въ нѣм-
цѣ; призывайте вашу тяжелую артиллерию,
ничто не выведетъ меня оттуда, кромѣ новыхъ
историческихъ свѣдѣтельствъ. Вы можете забро-
сать меня грудой приговоровъ и свѣдѣтельствъ,
лишь давно извѣстныхъ, а уступитъ позицію я мо-
гу только вѣдѣствію новыхъ и ясныхъ свѣдѣній.
Впрочемъ, я бы не хотѣлъ расхаживать съ вами
безъ примиренія, но по крайней мѣрѣ безъ пе-
ремѣны.“

Погодинъ: „предложите условія“

Костомаровъ: „Позвольте предложить усло-
вія. Примите пришествіе русскихъ князей изъ
Литвы, примите, что господствующій элементъ
той колоніи, которая къ нимъ пришла подъ
именемъ Руси, бывъ Литовскій, а я допущу воз-
можность нѣкоторой, малой надобности нор-

манскаго. Литовская народность дѣлится на разныя вѣтви; бѣтъ можетъ въ эту приморскую и понамо нѣвское нормановъ."

Погодинъ: „Если я вамъ и сдѣлаю эту уступку, то прошу мнѣ не вѣрить, потому что внутри у меня теперь же шепчетъ, жвердится совѣсть другое; въ сердцѣ моемъ осяетса убѣжденіе, что въ основаніи русскаго государства преобладаетъ норманскій характеръ, хотя между норманнами могли бытъ и прочіе жители балтійскихъ береговъ: славяне, чудь, литва."

Костомаровъ: „Прошу и мнѣ также не вѣрить, если бы я сказалъ, что Руссы-Норманны: мнѣ внутреннее чутье говоритъ, напротивъ, что это было литовское племя."

Погодинъ: „Имѣете ли вы ко мнѣ только довѣріе, чтобы дозволить мнѣ отъ вашего имени, равно какъ и отъ своего заключить на эту бесѣду предъ публикой?"

Костомаровъ: „Имѣю, исключая тѣхъ ограничений, которыхъ я указалъ."

Погодинъ: „Итакъ, да здравствуетъ наша Русь, откуда бы она ни пришла! Да живежь она не 1000 лѣтъ, а долго, долго, по выраженію Карацкина, если только нѣтъ на землѣ ничего безсмертнаго,крошѣ души человеческой. Да увѣтетъ наука въ стѣнахъ сего университета, въ стѣнахъ и за стѣнами всѣхъ русскихъ университетовъ, или, выражаясь словами Пушкина: „Да здравствуетъ разумъ, да скроется тѣма."

Ностомаровъ: „И я приведу слова Пушкина:

Что Литва, что Русь ли.... все равно!

Этотъ диспутъ сказанъ характеръ Погодина, который проявляла много разъ и въ научной дѣятельности его.

Теперь мы должны перейти къ обзорѣ научной дѣятельности Погодина. Его магистерская диссертация была посвящена вопросу о началѣ русскаго государства и эта диссертация въ переработанномъ видѣ вошла во 2-ю томъ его „Изсѣдованій, замѣчаній и лекцій“. Содержаніе таково: начинается она съ указанія на важность вопроса о началѣ Русскаго государства; указываетъ далѣе на важные вопросы, которые соотносятся съ даннымъ; вслѣдствіе затѣмъ высказываетъ мнѣніе, что Варяги - Русь были Норманны и идетъ цѣлый рядъ доказательствъ въ пользу этого мнѣнія. Погодинъ анализируетъ извѣстія русской летописи, византійскихъ, западныхъ и арабскихъ сказаній, разсматриваетъ также собственная пимена князей и дѣлѣпровскихъ пороговъ. На основаніи всего этого Погодинъ приходитъ къ заключенію, что Варяги - Русь были Норманны; къ этому же его приводитъ и сравненіе религіозныхъ обычаевъ и правовъ Русскихъ съ обычаями Норманновъ. Закончивъ съ положительною стороною своихъ доказательствъ, Погодинъ переходитъ къ отрицательнымъ; тутъ онъ даетъ отвѣты на возраженія противъ Норманскаго происхожденія Варяговъ - Руси; тутъ онъ возражаетъ Эверсу, Нейману и другимъ. Вслѣдствіе затѣмъ онъ рѣшаетъ вопросъ, возбуждавшій

Большое разногласіе, кто были Варяги - Русь? Излишній этотъ вопросъ, авторъ приводитъ мнѣнія другихъ ученыхъ съ подробнымъ разборомъ ихъ (Каленовскаго, Максимовича, Эверса, Маттисева, Неймана и другихъ) и доказываетъ, что они были Норманны. Въ своей „Древне-русской исторіи (3 тома) онъ является представителемъ математическаго метода. Сегодняшнѣе было поклонникъ фактовъ и не любилъ вдаваться въ разсужденія; онъ приводилъ все факты, какіе только можно найти и дѣлалъ изъ нихъ выводъ. „Такъ, напримѣръ, говоритъ онъ, беремъ XII вѣкъ и посмотримъ-какіе тутъ дѣйствования князя; оказывается, что эти князья находятся въ одинаковой между собою степени родства; это даетъ право сдѣлать заключеніе, что княжескія отношенія опредѣляются степенью родства и т. д.; „это, говоритъ Погодинъ, все равно какъ и въ геометрической прогрессіи: если даны три члена, то вы можете опредѣлить четвертый неизвестный. При исследованіи внутренняго быта Погодинъ сжался привесть все шеста изъ лѣтъ писи, перифразировать ихъ и, такимъ образомъ, пошутя у него описаніе внутренняго быта. Для него имѣетъ реальное значеніе фактъ; чѣмъ больше собрано фактовъ и извѣстій по извѣстному вопросу, тѣмъ правильнѣе можно сдѣлать выводъ. Такимъ образомъ, относительно скепсиса онъ выступаетъ дѣйствительно съ тяжелой артиллеріей и опровергаетъ ихъ доводы утѣлою массой фактовъ и споры засмущивали понаго вниманія. Ну

Погодина не было творческого ума, который бы мог создать в науку новую теорию. Другим важным вопросом, над которым Погодин долго работал, были вопросы о летописи Нестора; вопрос этот подвергался разсмотрению скептиков и Погодин вооруженный против них во своем историко-критическом рассуждении „Несторъ“, которое в дополненном виде составил 1-й том его „исследований, замечаний и лекций по русской истории“ и это сочинение должно быть названо одним из самых удачных; такой отзыв о нем дает Бестужев Рюмин. Сам Погодин в предисловии к „исследованиям“ говорит следующее: „Первый том посвящен источникам древнейшей русской истории и преимущественно Несторовой летописи. В состав его вошло прежде напечатанное известное публике исследование, в котором присоединены замечания о прочих источниках, как-то: Русской Правде, церковных уставах, старинных сагах и прочее; также разбор всех мнений о Несторовой летописи, вопросов, ко ней сопряженных, разбор всех рассуждений скептической школы, объяснение ее недоразумений и разрешение ее сомнений. Разборы эти были слишком для меня скучны и утомительны, отнимая у меня много драгоценного времени, но я почел обязанностью очистить данный себе вопрос со всех сторон, отклонить всякий повод, или предлог ко обвинению в неполноте, вразумить молодых

людей, готовых всегда гоняться за новизною, расположенных по природе больше к сомнению и отрицанию, чѣмъ къ утверждению и доверію и, наконецъ, предохранить русскую исторію на будущее время отъ подобныхъ покушеній."

И действительно этотъ толчокъ отпихивается чрезвычайной полною и богатствомъ содержаній. Наблюдая оныя съ разрѣшенія вопроса о достовѣрности русской исторіи вообще и лѣтописи въ частности, прилежь Погодинъ прибѣгаетъ къ особому приему: оныя совершенно игнорируетъ лѣтописью, обращаясь къ иностранцамъ и на основаніи ихъ извѣстій возстановляетъ бытъ древней Руси въ XI столѣтіи. Окадывающіяся иностранцы рассказываютъ о тѣхъ же событіяхъ, которыхъ соиздастъ лѣтописецъ. Замѣвъ затѣвлю оныя обращается къ вопросу о времени и мѣстѣ сочиненія первой русской лѣтописи; для него не подлежитъ сомнѣнію, что лѣтописецъ былъ составленъ въ Киевѣ, въ Печерскомъ монастырѣ монахомъ Несторомъ и составлена была въ концѣ XI и началѣ XII столѣтіи. Какъ извѣстно, послѣдній выводъ Погодина (о времени составленія лѣтописи) являющійся господствующимъ и въ настоящее время. Что же касается до вопроса объ авторѣ, то оныя теперь рѣшается иначе; въ настоящее время господствуетъ мнѣніе, что Несторъ не былъ авторомъ первоначальной лѣтописи. Погодинъ характеризуетъ Нестора и даетъ о немъ біографическія свѣдѣнія.

Замѣвъ затѣвлю оныя переходитъ къ новому вопросу, въ какомъ видѣ дошла до насъ Несторова лѣтописецъ? Вопросъ этотъ весьма важенъ,

если мы припомним мнѣніе Шлецера, что лѣтопись Нестора дошла до насъ въ искаженномъ видѣ, что ее необходимо очисти́ть и возстанови́ть въ первоначальный видъ. Погодинъ опровергаетъ эти воззрѣнія Шлецера и доказываетъ, что лѣтопись Нестора дошла до насъ не въ искаженномъ видѣ, а въ подлинномъ. Далѣе онъ переходитъ къ вопросу объ источникахъ Несторовой лѣтописи и приходитъ къ тому заключенію, что главнѣйшіе источники были монастырскіе записки. Перейдя къ договорамъ съ Греками, которые помѣщены въ лѣтописи и которые возбуждали сомнѣнія у скептиковъ, Погодинъ доказываетъ подлинность ихъ и въ этомъ отношеніи онъ совершенно правъ. Еслибы затѣмъ онъ дѣлае́тъ попытку (слабую, сравнительно съ попыткой Вестружева-Рюмина) разложить древнюю русскую лѣтопись на ея составныя части и указать изъ какихъ источниковъ заимствована важнѣйшія свѣдѣнія, сообщаемая Несторовъ. Онъ не отрицаетъ и того, что въ Несторовой лѣтописи существуетъ легендарный элементъ и что въ этомъ отношеніи скептики правы; но это не даетъ права усумниться во всѣхъ извѣстіяхъ, сообщаемыхъ лѣтописью. Эту достоверность первоначальной лѣтописи онъ доказываетъ согласіемъ свѣдѣній первоначальной лѣтописи съ памятниками литературными, съ извѣстными иностранцевъ и, наконецъ, въ этомъ онъ убѣждаетъ изъ аналогій географическихъ данныхъ. Таковы первоначальный основъ сочиненія Погодина о Несторѣ.

Теперь же въ „Исцѣлдованіяхъ, заимствованныхъ

лекціяхъ" онъ сдѣлалъ добавленія и значительно расширилъ его; здѣсь онъ разработалъ вопросъ о Русской Правдѣ; подробно разбираетъ тутъ все споренія, сдѣланныя Каченовскими и доказываетъ ихъ полную несостоятельность. Послѣ этого онъ обращается къ анамнесту Другихъ законодательныхъ памятниковъ церковнаго права, именно къ извѣстнымъ церковнымъ уставамъ Владиміра и Ярослава Мудраго. Затѣмъ онъ переходитъ къ вопросу о сѣверныхъ скандинавскихъ сагахъ и, наконецъ, заканчиваетъ историко-литературнымъ обзоромъ трудовъ скептиковъ (останавливается на скептическомъ повѣтріи - на воззрѣніяхъ Каченовскаго и его школы). Таковъ первый томъ "Историческій, записокъ и лекцій" Погодина. Какъ видно, онъ очень богатъ содержаніемъ.

Многіе наши ученые заявляли, что они начали изучать русскую исторію по этому сочиненію Погодина. "Прежде, нежели предпринять свои изслѣдованія о древней русской исторіи, говоритъ Погодинъ, почитаю нужнымъ показать вообще ея достоверность, тѣмъ болѣе, что въ наше время нѣкоторые легкомысленные писатели сміялись привести ее въ сомнѣніе и советуютъ начинать гораздо позднѣе.

Русская исторія такъ счастлива, что ея самый первый, главнѣйшій ея положенія засвидѣтельствованы иностранцами - современниками и очевидцами". Затѣмъ тутъ же Погодинъ приводитъ цѣлый рядъ извѣстій иностранцевъ и дѣлаетъ такое заключеніе:

„Синь свидѣтелямъ нѣльзя не вѣрять! Это все очевидцы, современники описанныхъ ими происшествій, въ нашихъ имѣль случилось даже быть дѣйствующими лицами. Они не сговаривались между собою: одинъ жилъ въ Константинополѣ, другой въ Багдадѣ, третій внутри Германіи, четвертой на островѣ Исландіи, пятый въ Премонть, шестой въ Александріи. Они не списывали другъ у друга: византиецъ не зналъ по арабски, Арабъ по Исландски, исландецъ по арабски. Имъ не было нужды выдумывать, ибо они описывали другіе предметы, а объ насъ болѣею частью понимали по нѣскольکو словъ милоходовъ. И такъ имъ нѣльзя не вѣрять — да же стыдно доказывать ихъ достоверность. Словомъ получается канва всѣхъ важнѣйшихъ событій безъ нашей древней лѣтописи.

Относительно своего математическаго метода Богодина даетъ намъ такія указанія: „Вотъ еще какую повѣрку можно сдѣлать надъ древнѣйшей исторіей: вообразишь, что мы не имѣемъ не только своихъ лѣтописей, но да же иностранныхъ извѣстій, теперь предложенныхъ о IX, X и XI в.в. Русская исторія основана и безъ нихъ на своемъ основаніи. Дайте мнѣ точку, съ которой думать бы кѣмъ либо наладить несоимынную Русскую исторію. Представимъ себѣ, что кто нибудь хочетъ начинать ее съ XII столѣтія. Очень хорошо. Считайте: въ XII столѣтіи являются на сцену сдѣлающій дѣйствующій лица: Святополкъ Изяславичъ, Владиміръ Всеволодовичъ,

Олегъ Святославичъ, Давидъ Игоревичъ, Володаръ Ростиславичъ, Рюрикъ Ростиславичъ, Мстиславъ Святославичъ, Ярославъ Свеяславичъ и прот. Всѣ они дворянныя братья и дяди между собою, какъ замѣчаю я при первыхъ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, допускаемыхъ вами. Следовательно, разсуждаю я даиѣ (по образцу геометрической пропорціи, въ коей 3ий извѣстными членами, отыскивается 4ый неизвестный), сторона наша искони принадлежитъ одному роду. Следовательно, она не была завоевана, ибо, если бы была завоевана, то была бы роздана, какъ въездъ, между завоевателями. Следовательно, она была занята мало по малу, по мѣрѣ разлитоженія сего рода. Третій томъ „Исследования, замѣтокъ и лекцій“ Погодина посвященъ Норманскому періоду; здѣсь Погодинъ говоритъ о первомъ появленіи Варяговъ, о ихъ изгнаніи и о призваніи Варяговъ Руси; здѣсь представляетъ догадки о причинахъ призванія, разсматриваетъ дѣятельность Норманнскихъ князей Рюрика, Олега и вообще Кіевскихъ князей до кончины Ярослава Мудраго. Манилъ же образомъ онъ обозрѣваетъ и излагаетъ краткую внутреннюю исторію въ періодъ этихъ Норманнскихъ князей: говоритъ о военномъ дѣлѣ древней Руси, о торговлѣ, религіи, народномъ характерѣ, грамотности, о языкѣ и образованіи, о правѣ и частной жизни.

Всѣ этотъ томъ онъ заканчиваетъ лекціей

о формации русскаго государства, прилежь прово-
дитъ параллель русской исторіи съ исторіей
западно-европейскихъ государствъ и высказы-
ваетъ такую точку зрѣнія, на которой по-
томъ стали славянофилы; онъ указываетъ
на особенностъ образованія Россіи: европей-
скія государства образовались путемъ завоева-
ній, а у насъ не было завоеваній, но было призва-
ніе; затѣмъ въ западной Европѣ получилось
громадное различіе между классомъ помѣщен-
ныхъ и пришельцевъ, у насъ же равенство правъ
между туземцами и пришельцами. Наконецъ,
слѣдуетъ указать на отличіе физическое, на
отличіе природы странъ запада и нашей приро-
ды и на отличіе нравственное въ характе-
ръ западнаго и нашего населенія.

Съ 4го тома начинается изслѣдованіе удовле-
внаго періода; здѣсь прежде всего идетъ пере-
ченъ источниковъ, относящихся къ удовле-
вному періоду, — хронологическія данныя, генеа-
логія князей; опредѣляются раздѣлы тер-
риторіи и границы княжескихъ удѣловъ,
наконецъ, разсматриваются отношенія меж-
ду князьями удѣльнаго періода.

Пятый томъ посвященъ разсмотрѣнію
войнъ удѣльнаго періода — внутреннихъ и
внѣшнихъ; затѣмъ излагается внѣшняя
политическая исторія удѣльныхъ княжесѣвъ.
Въ шестомъ томѣ помѣщенъ алфавитный спи-
сокъ русскихъ князей до-монгольскаго періода
по степенямъ, какъ въ степенной книгѣ, т.е.
сначала идетъ перечень князей одного рода,
затѣмъ другого и т.д. и по родству, дальѣ

также по уголамъ и по княжествамъ.

Седьмой томъ посвященъ внутреннему бою русскаго общества въ удольный періодъ. Здѣсь Погодинъ характеризуетъ власть княжескую, положеніе дружины, дѣлаетъ обзоръ городовъ, военного дѣла, права, торговли, церкви и т. д. Это на основаніи этихъ „Изслѣдованій, замѣтокъ и лекцій“ Погодинъ вздумалъ написать свою „Древнюю русскую историю до-монгольскаго вѣка“; это сочиненіе вышло въ 3^{хъ} томахъ; первый томъ обозрѣваетъ внѣшнюю историю до-монгольскаго вѣка; второй томъ рисуетъ внутренній бѣтъ русскаго государства; третій томъ состоитъ изъ рисунковъ древнихъ вещей; въ немъ находятся нѣсколько сотъ снимковъ, вещественныхъ памятниковъ, древнихъ иконъ, образцы стариннаго почерка, снимки съ нѣкоторыхъ миниатюръ эвонгелии, а къ концу присоеди-ненъ объяснительный текстъ. Основные взгляды Погодина въ его исторіи таковы: онъ усвоилъ мысли Шафарика о кривотурности Славянъ вообще и русскіхъ въ частности и здѣсь разошелся съ Шлецеромъ; но главнѣе находится у него въ противорѣчій съ изложе-ніемъ русской исторіи въ норманнскомъ духѣ; онъ допускаетъ полное господство норманнскаго элемента въ нашемъ быту. Если же затѣмъ онъ переходитъ къ удольному пе-ріоду, въ которомъ не видитъ никакой ру-ководящей идеи; онъ отмѣчаетъ переходы князей, но не можетъ уловить причины этихъ переходовъ; все событія, все дѣйствія

князей носить чисто случайный характер и не имеют общей связи и нити. В книгах Погодина соединяется точный математический метод и патристическое воодушевление, которое заставляет его высказывать разные патристические мысли, не всегда подтверждаемые фактическими данными. Таких в образе его "История" представляет соединение точных фактических данных и исторических отступлений на патристическую тему. Книга эта была издана в 1871 г., но она представляет явление запоздалое, анахронизм в общем ходе русской историографии и сильно может быть приписана к 30-м годам. Погодин также известен целым рядом других, более мелких работ и сочинений, из которых я укажу на любопытное изследование о мистическом, на его известную книгу "17 лет из жизни Петра Великого", где он излагает известный стрельеческий бунт, причины его, но взгляды Погодина в этой области являются неустойчивыми. Бестужев-Рюмин говорит, что Погодин трудно вписуется в какой-либо период; так, он издавал "Москвитянина" и высказывал здесь много близкое к славянофилам; в других же вопросах он был очень далек от славянофилов. Бестужев-Рюмин выходит из этого затруднения, говоря о Погодине, что он был настоящей русской натурой, которая не могла входить в какие-либо рамки; кроме того он был публицистом, так что не мог сосредоточиться на чем-либо.

одною. Кромѣ этого Погодинъ издавалъ сочиненіе Погодина, Московскую лѣтопись; былъ секретаремъ Московскаго Историческаго Общества, издавалъ журналъ этого общества. Символъ, это былъ человекъ весьма дѣятельной, энергичной, трудолюбивой и пользовавшійся вліяніемъ и въ научной и въ литературной области, хотя и не безъ крупныхъ нравственныхъ недостатковъ.

Бутковъ. Другимъ противникомъ скептиковъ является Бутковъ въ своемъ сочиненіи: „Оборона лѣтописи русской отъ наветовъ скептиковъ.“ Эта книга вышла въ 1840 году. Поводъ, вызвавшій появленіе этой книги, объясненъ самимъ Бутковымъ въ предисловіи къ его сочиненію; здѣсь Бутковъ говоритъ: „Всѣ эти взгляды, всѣ эти разсужденія, розысканія, лекціи, мысли, мнѣнія, при-езды подъ заголовкомъ высшей критики и подъ предлогомъ уясненія перваго періода исторіи Русской, направлены прямо къ униженію достоинства древняго нашего лѣтописца. Дѣлая намъ упреки, что по слѣпой довѣренности къ Нестору, мы держимъ себя во мнѣ непростиженными предубѣжденіями, скептики изъясняютъ готовность свою вывести насъ изъ сего тумана, чтобъ скоро станемъ смотрѣть на Временникъ Несторовъ или на мадамъ и согласимся, что сіе твореніе есть нестерпимая смесь болѣе съ небогинями, основано будучи на преданіяхъ искаженныхъ, на выдумкахъ, на подлогахъ, на вожавахъ, на приписаніи къ Россіи иноземныхъ происшествій... Сильное предпріятіе скептиковъ на преобразование исторіи нашей по ихъ думамъ и мнѣнію уже многихъ подражателей... Видя, что

подобныя сочиненія увлекаютъ по логике ума и вводятъ многихъ въ искушеніе, мы возманились принять участіе въ противоборствѣ скептицизму преслѣдованіемъ сподвижниковъ его по той извѣстной дорогѣ, какую они избрали для достиженія своей цѣли." Книга Буткова распадается на 2 главныя части. Первая часть касается лѣтописи русской, Несторовой и содержитъ въ себѣ 6 главъ:

- 1) На такой ли степени образованія стояла Россія въ XI вѣкѣ, чтобы могла имѣть тогда собственнаго лѣтописца?
- 2., Источники лѣтописи русской.
- 3., Руссы Аскольдовы и фоговоры Олега и Игоря;
- 4., Руссы Млецеровы и Зверевы.
- 5., Кто были Руссы и Варяги по понятію скептиковъ.
- 6., Основаніе Новгорода и его торговля.

Вторая часть относится собственно къ Нестору и состоитъ изъ слѣдующихъ 6 главъ:

- 1., Явленіе Нестора; образованіе сего инока; начало и конецъ его Временища.
- 2., Разборъ мнѣній скептиковъ о древнихъ монастырскихъ запискахъ.
- 3., Связь съ лѣтописью Несторовыхъ отдѣльных повѣстей о Борисѣ и Глебѣ, о зачатіи Перерскаго монастыря и о житіи Феодосіевоу.
- 4., Средства Несторовы къ собранію для лѣтописи матеріаловъ.
- 5., О Василіѣ, Сильвестрѣ и Маттизевѣ.
- 6., Съ какихъ поръ Несторъ извѣстенъ въ званіи лѣтописца?

Такое содержаніе книги Буткова. Онъ началъ съ того, съ чего и Погдинъ; въ его первой

главѣ - „На такой ли степени образования сѣю-
ла Россія въ XI вѣкъ, чтобы могла имѣть тогда
собственнаго историка” мы находимъ такое
замѣчаніе: „Изъ извѣстій Византійскихъ, точно
принадлежащихъ Россіи по самому сознанию
скептиковъ видно, что предкамъ нашимъ мно-
гіе искусства были знакомы: они съ 866 года
до половины XI вѣка выводили на Грековъ ар-
міи и флоты; сражались мечами, саблями,
копьями, стрѣлами, пращами, прикрываясь
щитами, щитами, кольчужными бронями;
въ походахъ ставили шатры и лагеря свои об-
водили окопами; строили для битвъ съ непрі-
телями въ ряды и твердые фаланги; умѣли
сооружать мореходные суда и употребляли на
нихъ весла, рули, якоря, паруса; жили
въ городахъ и селахъ; знали торговлю, по-
сольства.” Пріемъ Буткова таковъ: сперва
онъ приводитъ мнѣніи скептиковъ, а затѣмъ
уже дѣлаетъ на нихъ возраженія. Въ концѣ до-
стоинствъ этого сочиненія нужно поставить
на первомъ мѣстѣ полную самостоятельность;
Самъ Погодинъ говоритъ, что книга обнару-
живаетъ полную самостоятельность автора, его
необыкновенную начитанность въ историческіе,
нѣсколько неправдоподобные мнѣніи, будто-
бы историкъ могъ знать греческій языкъ,
что Несторъ не пользовался монастырскими
записками. Бутковъ не стоялъ всецѣло на
высотѣ науки и потому у него замѣтна сла-
бость критическихъ воззрѣній. Пріемъ же
онъ извѣстенъ еще своимъ изслѣдованіемъ
о исторіи Кавказа; сочиненіе это довольно

уланное, но отличается фактически характеромъ.

Ивановъ. Претивный претивниковъ скептиковъ является Ивановъ, известный сочиненіемъ „Общее понятіе о хронографахъ“, помѣщеннымъ въ ученыхъ запискахъ казанскаго университета. Но въ этой статьѣ мы найдемъ все, что угодно, кромѣ изслѣдованія о хронографахъ; здѣсь главнымъ образомъ Ивановъ занимается полемикой съ представителями нѣмецкой науки; здѣсь очень сильно достается Байеру; но особенно онъ нападаетъ на Млещера; защищаетъ Маттисева и укоряетъ Млещера за его естествознательные отзывы о Маттисевѣ. Кромѣ того Ивановъ известенъ еще другою работою „Россія“, которая вышла въ свѣтъ за подписью Булгарина.

Д. С. Р.